

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Новгородская Митрополия Русской Православной Церкви
Санкт-Петербургский Институт истории РАН

Новгородика – 2018.

**Повседневная жизнь новгородцев:
история и современность**

*Материалы VI Международной научной конференции
26—27 сентября 2018*

Том 1

Великий Новгород
2018

*Издание подготовлено при финансовой поддержке РФФИ
(проект 18-09-200581)*

Сборник включен в электронную библиотеку РИИЦ

Новгородика – 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история
Н72 и современность: Материалы VI Международной научной
конференции 26—27 сентября 2018. В 2-х тт. Т. 1 / редколл.
С.А. Коварская, А.В. Сиренов, Е.В. Торопова, Т.В. Шмелева
(отв. ред.); НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2018.
– 328 с.

Материалы содержат статьи по итогам выступлений на
конференции. В первом томе представлены исследования
повседневности Великого Новгорода и связанных с ним территорий,
военной и культурной повседневности на значительном
хронологическом отрезке – с древнейших времен до наших дней.

ББК 63.3(2Рос-4Нов)

ISBN 978-5-89896-718-5

© Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, 2018

© С.А. Коварская, А.В. Сиренов,

Е.В. Торопова, Т.В. Шмелева, редколл., 2018

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии		5
Шмелева Т.В.	Новгородика и повседневность	6
<i>Городская повседневность</i>		
Завершинский К.Ф.	Символическая репрезентация политической повседневности средневекового Новгорода в национальной памяти современной России	12
Гуторов В.А.	Средневековый Новгород и античные полисы: критический анализ современных научных практик повседневности	20
Летняков Д.Э.	Вечевая традиция как элемент повседневной жизни Новгорода: политико-философский анализ	28
Кузнецов А.А.	Новгород в политике князей Северо-Восточной Руси в 1125–1238 гг.	34
Славинский С.П.	Генезис архитектурной среды как отражение изменения мировоззрения и повседневной жизни новгородцев	38
Секретарь Л.А.	Софийская площадь и ее значение в жизни губернского Новгорода	45
Адресва Л.А.	Местное самоуправление в Великом Новгороде: история повседневной жизни и современность	53
Конецкий В.Я.	Перун-крокодил в «Сказании о Словене и Русе» (источники и композиция сюжета)	56
Базарова Т.А.	Визит императора Петра II в Новгород в 1728 г.: по материалам научно-исторического архива РАН	65
Киселев М.Ю.	Из истории Новгорода по документам архива РАН	70
Жуков К.В., Жуков Г.К.	Мемуары А.В. Болотова «Господин Великий Новгород. Воспоминания»	75
Данько Т.А.	Повседневная жизнь новгородской молодежи в годы НЭПа	80
<i>Губернская повседневность</i>		
Маленько С.А.	Новгородская земля в становлении российского самодержавия: парадоксы психоисторической интерпретации	87
Сергеев А.В.	Новгородские князья-помещики в XVI в.: некоторые аспекты жизни	95
Алексеева М.А.	Повседневная жизнь уездного города Новгородской губернии в начале XX века: Старая Русса	104
Васильев Я.А.	Человеческий фактор в деятельности банков Новгородской губернии во второй половине XIX – начале XX в.	109
Ефимова Е.Н.	Земская медицина в Новгородской губернии XIX – начале XX в.	115
Авдеев А.Н., Авдеев Э.А.	Влияние железной дороги Валдай – Крестцы на повседневную жизнь Крестецкого района	123
Морылева Н.И.	Повседневная жизнь усадьбы «Приволье»	128
Ковалев Б.Н.	Повседневная жизнь новгородцев в годы мира и войны	138
Прокофьева М.И.	Изменения в повседневной жизни новгородцев в начале Первой мировой войны	143
Афанасьева Т.А.	Мир женщины в новгородской деревне первой трети XX века	149
Серебрякова А.С.	Повседневная жизнь женщины Новгородской губернии в 1918–1924 гг.	155

ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 303.022+323.2

*К.Ф. Завершинский
Россия, Санкт-Петербург*

СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическое наследие средневекового Новгорода является актуальной сферой научных исследований, которые показывают, что ученые используют различные подходы для понимания основ этого явления. В связи с этим обсуждаются познавательные возможности исследования наследия древнего Новгорода в контексте соотношения артефактов повседневности с символическими практиками социального конструирования политической памяти российской политики. В статье рассматривается значение антропологических концепций при анализе политической повседневности средневекового Новгорода как в прикладных, так и теоретических исследованиях современных политических коммуникаций. Дезинтеграция современных политических порядков в национальных сообществах, вариативность политических идеологий и структур управления актуализирует исследование антропологических аспектов политической повседневности. Автор подчеркивает важность описания и теоретического анализа роли политических мифов и символов, присутствующих в структурах повседневности политической памяти. Используя антропологически-ориентированный анализ как теоретический базис, автор предлагает новый теоретический подход к изучению политической повседневности.

Ключевые слова: политическая память, политическая повседневность, символические структуры повседневности, политический миф, социальные бренды, политические коммуникации.

*K. F. Zavershinsky
Russia, St. Petersburg*

SYMBOLIC REPRESENTATION POLITICAL EVERYDAY LIFE OF THE MEDIEVAL NOVGOROD IN THE NATIONAL MEMORY IN MODERN RUSSIA

The political heritage of medieval Novgorod is an actual area of scientific research studies, which demonstrate that the scholars use various approaches for understanding the basics of this phenomenon. In this connection, the cognitive possibilities of studying the heritage of ancient Novgorod are discussed in the context of the correlation of everyday life artifacts with symbolic practices of political memory social construction in the Russian polity. The article discusses a significance of anthropological concepts in the analysis of political everyday life of medieval Novgorod in both applied and theoretical studies of modern political communications. The disintegration of modern political orders in national communities, the variability of political ideologies, and management structures highlighted a necessity to properly theorize anthropological dimensions of political everyday life. The author emphasizes the importance of describing and theoretical analysis of the role of political myths and symbols that are present in the structures of everyday life of political memory. Using an anthropologically-oriented analysis as a theoretical basis, the author proposes a new theoretical approach to the study of political everyday life.

Key words: political memory, political everyday life, symbolic structures of everyday life, political myth, social brands, political identity, political communications.

Научная и социокультурная значимость исследования социально-политической повседневности средневекового Новгорода очевидна в связи со важностью полисного устройства древнего города для осмысления процессов генезиса государственности и становления национальной идентичности в социокультурном пространстве России. Закономерно, что аспекты социально-политической жизнедеятельности средневекового Новгорода весьма содержательно представлены многочисленными работами отечественных и зарубежных историков. Благодаря археологическим и этнографическим экспедициям, организационной деятельности общественных и государственно-административных структур, умножаются вещественные артефакты, свидетельствующие о влиянии жителей «новгородской средневековой республики» на социально-политическую динамику средневековой цивилизации Древней Руси [14, с. 343–346].

Достаточно широко представлена в публичном дискурсе современной России и проблематика, связанная со спецификой политической культуры средневекового Новгорода как символического источника легитимации элитами политической преемственности в эволюции институтов российской государственности. Симптоматично, что к историко-политическому наследию средневекового Новгорода как важному символическому ресурсу власти обращались как имперские, советские, так и постсоветские правящие элиты.

Вместе с тем, при очевидном умножении исторической и филологической фактографии в предметной области «новгородики», социально-психологических и философских интерпретаций политических практик средневекового Новгорода, на периферии исследований отечественных авторов остаются междисциплинарные стратегии современной культур-социологии и культурной антропологии в области изучения культурных артефактов прошлого как структур символических репрезентаций («фигураций»), присутствующих в настоящем. Подобный способ исследования, на наш взгляд, позволяет рассматривать генезис, становление политических институтов средневекового Новгорода как важное звено многопланового и вариативного социокультурного процесса оформления многослойной политической памяти России.

Социальная память при этом представляется не столько «хранилищем» «воспоминаний о прошлом» или идеологических интерпретаций прошлого в настоящем, а пространством семантического «свергывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет новые ситуации распознавать, воспринимать как повторение некой «прошлой» ситуации. Социальная память проявляется в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [8, с. 104; 9, с. 110]. В работах представителей культур-социологии подчеркивается перспективность понимания культуры как исторической формы социальной памяти,

символические структуры («сети смыслов») которой укоренены в повседневных практиках. При этом динамика подобных «предположений» предстает как многослойный процесс социального конструирования и комплекса средств символического производства социальной власти, который порождает сакральные объекты и многообразные символические фигуры взаимодействия [15, p. 11–26; 16, p. 29–89].

Спецификация обозначенных теоретических посылок к предметной области политической повседневности позволяет интерпретировать ее как значимый семантический компонент политической памяти, воспроизводящийся посредством многообразных мнемонических практик. С этих позиций становится более очевидной роль символического наследия средневекового Новгорода в политической памяти России, которое перманентно присутствует в форме устойчивых «заведомо значимых предположений», обретая вариативные символические репрезентации процессов социального конструирования этнополитической и национальной идентичности на всех этапах эволюции российского общества.

При этом важным измерением процесса эволюции социальной памяти и ее политической компоненты следует считать выявление роли и этнополитической специфики структур повседневного знания, выступающей своего рода «правильным тиглем» («воплощенным знанием»), особым типом знания, обеспечивающим связь «сакральной», «высокой», «официальной», «элитарной» культуры и «профанного» знания и практик, которые в современном обществе приобретают форму массовой культуры и «усредненного общественного мнения» [5, 6, 7]. Всегда следует помнить, что социальные явления, которые в обществе номинируются как «факты», действительны «не благодаря их фактической вредности или объективной резкости» [1, с. 17], но зависят от того, как их воспринимают и степени эффекта их влияния на коллективную идентичность. Повседневность не следует понимать «календарно» как реестр простых и очевидных для всех типизаций, возникающих в процессе «повторений». Повседневность следует осмыслять в терминах конкретно-исторических, комплексных форм социальной идентичности, включающих как компоненты «сознательного», так и «бессознательного». Повседневность – это место, где «загадка повторения переходит в теорию становления», поскольку настоящее никогда целиком не может быть «деисторифицировано» в повседневности и постоянно требует «продолжения», «реисторизации» повседневности [18, p. 161, 189, 194].

Особенность повседневного знания в том, что оно «объективируется», интериоризируется посредством специфических форм сигнификации и символизации [2], связанных с телесно-чувственным существованием человека. Важным семантическим «механизмом» подобного процесса является мифический нарратив как коммуникативное средство связи практик фонового повседневного знания и категоризации коллективных представлений, когда символы и более абстрактные обоснования прошлого, настоящего и будущего дополняются символизацией телесно-чувственного восприятия социальной действительности, посредством символизации событий героического и жертвенного. Практики

повседневности средневековья, как и современности, всегда сопряжены с символизацией действий социальных элит по легитимации социополитического порядка в целях контроля за коллективным поведением в группах и сообществе в целом.

При этом политические мифы, обеспечивая символизацию практик политического доминирования на уровне повседневности, являются важным и необходимым звеном как традиционных, так и современных политических коммуникаций в рамках политической памяти. Политический миф вписывает эпизоды повседневной деятельности людей в нарратив драмы коллективного существования. В основе мифической символизации политики лежат «симбиотические символы», выражающие связь политических действий с «телесностью», телесно-чувственной осязаемостью и действенностью власти посредством многообразных фигур («героического»). Поэтому политический миф – всегда не только объяснение, но и «практический аргумент». Миф может драматически обосновывать историю существующих политических обществ, отсылая к прошлому, воспринимаясь как «традиция», но он может сакрализировать политические взаимодействия через настоящее или отсылку к будущему, превращаясь в источник социальных трансформаций.

Подобное видение динамики повседневности, как уже отмечалось, предполагает выход за рамки традиционной методологии этнографических и исторических моделей описания повседневности, описывающих ее в контексте историографической и этнографической вещности. Перспективным представляется видение специфики политической повседневности в ее «коммуникативной прагматике», производящей «события». Политико-событийная история, как справедливо замечают антропологически-ориентированные исследователи истории России, «редкая гостья» в традиционных этнографических исследованиях быта. Призывая изучать «бытовые стереотипы», «фреймы» этничности той или иной эпохи для осмысления национально-культурной идентичности и исторического сознания в настоящем, что принципиально для выработки умения жить в многообразии диалога «жизненных миров и культур» прошлого и настоящего [11, с. 85].

Влияние множества, непредсказуемых рационально, событий на изменения в частной, повседневной жизни может заинтересовать не только микроисториков повседневности, но и тех исследователей, которые ставят в центр своего анализа событийный контекст обыденности и его эмоционально-чувственного мира, практики коллективной этнической самоидентификации, а не только фактографическое описание духовной или материальной культуры среды его существования.

Смещение исследовательского фокуса в изучении повседневности прошлого и настоящего позволяет сделать несколько принципиальных, по мнению автора, теоретико-методологических экспликаций по поводу перспектив исследования политической повседневности средневекового Новгорода.

Исследование повседневности средневекового Новгорода в русле теоретических моделей культур-социологии и антропологии не только позволяет углубить представление о культуре средневекового Новгорода, но и выявить этнополитическое основание политической «ожизненности» нарратива новгородского полиса в политическом дискурсе России. Изучение символических практик политической повседневности средневекового Новгорода, на наш взгляд, позволяет избежать методологических ограничений, характерных для позитивистской политической истории, ориентирующей на поиски рациональных оснований причинно-следственных связей и объективных интересов, субъектами реализации которых выступают политические лидеры и формальные институты. За позитивистской интерпретацией фактов в контексте действий рациональных акторов весьма часто исчезает «человек чувствующий», многообразие и специфика представлений «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич) русского средневековья, не менее драматичного и символического, чем европейского.

Мир повседневности средневекового Новгорода, о чем свидетельствуют дошедшие до нас тексты и артефакты, был пространством динамичной символической политики горожан, светских и религиозных элит, посредством чувственно образной символизации религиозных представлений и стандартов престижного потребления, которая «конвертировалась» во властное доминирование и практики доступа или исключения личностей и групп из процесса принятия коллективно-значимых решений. Подобная динамика семантически концентрируется и упорядочивается вокруг символических фигур ("героя", "жертвы", "преступника"). Характерно, что новгородская мифология повседневности демонстрирует непрерывный и трагический переход от сакрализации персонажей к возвращению их в мир повседневности.

Весьма показательное содержание новгородских былин [10], где героями становятся кушцы, демонстрирующие способность достижения и обладания богатством, роскошью, предприимчивость, дух авантюризма и нечеловеческую отвагу ("Про Василия Буслаева", "Василий Буслаев и новгородцы"). Этот персонаж демонстрирует героическое буйство природы в праздниках, состязаниях и побоищах, но постоянно сталкивается с давлением повседневности «большинства», рутинной практик дарения и «благочестия», приходя к «замирению» с городом и обузданию телесной произвольности. Этот нарратив выступает одновременно источником новых мифоконструкций и выплеску героического ("Поездка Василия Буслаева"), однако попрание норм христианского благочестия в «Ерусалим-граде» ведет к смерти героя и победе «каменной твердыни» повседневности «... кто-де у камня станет тешиться... – Сломить будет буйну голову».

Показателен своей динамикой сакрализации и десакрализации повседневности «аристократизм богатства» (В.Г. Белинский) Садко, обретаемого в героическом противостоянии невгодам и высшим силам, но обуздываемого величием повседневности торговой общины Новгорода, принудившего его «изломать» гусли.

Аналогичная по семантики динамика прослеживается и в иных литературных источниках («Хождение Стефана Новгородца», «Послание

Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае», «Повесть о посаднике Добрыне», «Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород» и др.) [3, 4], где можно проследить «плавильную работу» повседневности средневекового Новгорода посредством мифоконструкций, сакрализирующих или оповседневнивающих практики поддержания социально-политического порядка. Средневековый Новгород по динамизму практик символизации повседневности в известной степени подобен древнегреческим полисам, где подобная коммуникативная динамика, по мнению ряда исследователей, стимулировала развитие переговорных практик и сложных форм «взаимности». Коммуникативное пространство средневекового Новгорода, как и Афин, не породило устойчивого политического порядка, но именно в нем были «обыграны» многие возможные векторы социально-политической эволюции российской политики, репрезентированные в символизме его средневековых артефактов, регулярно подвергающихся «рearхивации» в переломные моменты эволюции российских политических институтов и кризиса социополитической идентичности.

Реализация подобных исследовательских стратегий, ориентирующих на изучение неформальных практик и символических измерений повседневности древнего Новгорода, на наш взгляд, актуализируется не только потребностью в междисциплинарном синтезе научных исследований культуры древнего Новгорода, но и изменениями, происходящими в современном коммуникативном пространстве. Доминирующие ныне формы универсализации коммуникаций («глобализация») ведут к тому, что локальность, основой которого являются структуры повседневности, в отличие от прошлых времен, становится все менее естественной и все более сконструированной. Повседневное в наши дни все чаще является не порождением жизненных состояний или переживаний коллективных субъектов, а становится «фабрикацией самоочевидного и близкого через локализацию неизвестного и далекого» [13, с. 144]. Легитимации «глобальными» элитами своего доминирования, на основе деления обществ и групп на «цивилизованные», «демократические» принципиально меняет динамику символических форм повседневности, которые на национальном уровне все более утрачивают функцию стабилизации и отбора, «оповседневнивания» жизненно необходимых «новаций». Подобная тенденция на деконструкцию более традиционных форм повседневности в результате символической экспансии стандартов массового общества, более чем актуальна для современной России, стоящей перед вызовами разрушения этнополитической идентичности и рисками глобализации.

Присутствие, сохранение повседневности значимого для политической памяти России прошлого в настоящем, приобретает особое значение в реалиях современных технологий господства, легитимируемых либеральными мифами о глобализации и «денационализации», рационализации и «массовизации» пространства повседневности. В действительности, публичная легитимация индивидуальных свобод и организаций гражданского общества в современных

западных массмедиа, пропаганда суверенности и конкурентности «рациональных граждан», не только не отменяет процессов политического доминирования, а актуализирует установку социальных элит на контроль за «менее способными» и «успешными» в распоряжении своей свободой на уровне повседневности. Происходящая «децентрализация» («дисперсия») «права на суверенность» в современных политических практиках («биополитический разброс суверенитета») вызывает к жизни все более изощренные формы элитарного контроля, «государственной опеки» и «дисциплинирования» повседневности [17, р. 57,186], что ведет к актуализации мифопрактик власти в пространстве повседневности. Повсеместно можно наблюдать тотальную политизацию повседневности и использование повседневных репрезентаций консюмеризма массового общества для политической самолегитимации новых социальных элит.

Это перманентное обновление представлений актёров о способах социального конструирования политического прошлого и умножение их самих в виде дисперсных общностей, ведет к продуцированию мифического контента в виде динамики многообразных региональных и национальных брендов. Успешный в процессе групповой идентификации «бренд» как репутационно-имиджевый концепт «всегда содержит волшебную историю и выступает в качестве магического артефакта», обладание которым способно реализовать ожидания, что превращает его в социальный миф, средством осмысления и ориентации в группе. Современные бренды, наряду с сугубо рыночными функциями выполняют функции социального мифа [12, с. 37], а брендинг – мифотворчества новой повседневности.

Обсуждая проблемы присутствия, жизненности культурного наследия средневекового Новгорода в современной социальной памяти, нельзя ограничиваться его представленностью в историческом просвещении, образовании или пропагандистских компаниях, а учитывать множественность пластов знания о политике сосуществующих в ее пространстве, в частности, возникших в процессе осмысления повседневных практик участия человеческого сообществ в реализации политических решений. Без политического брендинга символических фигур «известного», значимого для национальной идентификации прошлого в настоящем, усилия элит по социальному конструированию «должной идеологии» или «национальной традиции», оказываются тщетными, поскольку вакуум в культуре повседневности заполняется экспансией образцов типизации повседневных практик, характерных для западного общества, опирающихся на тотальную активность современных масс-медиа в сфере производства многообразной символической продукции массовой культуры (фильмы, клипы, постеры, аудио-видео реконструкции и т. п.). Нынешние дебаты об эпохе «постправды» и «фейках», разрушающих национальные идентичности и политические пространства, достаточно очевидные симптомы использования «повседневной символизации» современными масс-медиа и политическими элитами стран, стремящихся сохранить свое геополитическое доминирование.

В реалиях современных политических коммуникаций растет значимость национальной политической памяти по продуцированию и поддержанию символических «фигураций» повседневности, адекватных ее семантической траектории.

В условиях быстро меняющихся отношений между прошлым и настоящим, обусловленных взаимосвязью процесса символической борьбы "памятей" в политическом поле и спецификой средств их передачи, жанров и профилей, мифологизация повседневности власти – неотъемлемая составляющая современных политических коммуникаций [19, p. 243–248, 259–260, 358], порождающая многообразие «рационализированных политических мифов (новые «религиозные политические мифы», «научные политические мифы»), «исторические политические мифы») и их бренды. В этом отношении, поиск и обоснование перспективных практик регионального брендинга Великого Новгорода на основе актуализации символического содержания повседневности средневекового Новгорода в современности представляются значимым как с утилитарной точки зрения, так и для поддержания региональной и национальной идентичности современной России. Принципиальным при этом является совместимость брендов политической повседневности, возникающих в различных российских регионах при приоритете для национальной идентичности брендов, символизирующих учреждающие события российской политики.

Таким образом, социальное конструирование национальной памяти России как исторической модификации долговременной политической памяти, опирающееся на укорененные в прошлом символические структуры политической повседневности, остается доминирующим способом поддержания и реконструкции семантически значимого прошлого. Национальная память благодаря «протяженности во времени» символических структур повседневности играет решающую роль в легитимации современных политических институтов и политической преемственности российской политики. Изучение символических фигураций политической повседневности средневекового Новгорода и их репрезентаций в современной политической памяти России жизненно важно для выработки оптимальной стратегии социально-политического позиционирования страны в реалиях рисков гегемонистской политики глобализации как общества, обладающего долговременной и богатой по семантике политических событий политическим нарративом, укоренным в символических практиках повседневности.

1. Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – сер. XV века. СПб.: Наука, 1999. 583 с.
4. Там же. Т. 7. Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. 581 с.
5. Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Пропаганда, 1999. 176 с.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигль рациональности // СОЦИОЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

7. *Касавин И.Т.* Повседневность. сакральное и профанное // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 6–13.
8. *Луман Н.* Эволюция. М.: «Логос», 2005. 256 с.
9. *Луман Н.* Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 360 с.
10. Новгородские былины / Ред. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. Сер. Литературные памятники. М.: Наука. 1978. 456 с.
11. *Пушикарёва Н.Л.* «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 83–86.
12. *Тульчинский Г.Л.* Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб. Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 2013
13. *Филитов А.Ф.* Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Т. 2 / Под общ. ред. С.П. Баньковской. СПб.: Владимир Даль, 2015. 470 с.
14. *Янин В.Л.* Культура Новгорода на общерусском фоне // Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Русский мир, 2014. С. 343–346.
15. *Alexander J.C.* The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2003. 312 p
16. *Alexander J.C.* Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance. Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006. P. 29–89.
17. *Nadesan M.* Governmentality, biopower, and everyday life NY: Routledge, 2008. 247p.
18. *Osborne P.* The politics of time: modernity & avant-garde. L.-NY: Verso, 1995.
19. *Bottici C.A.* Philosophy of Political Myth. New York. Cambridge University Press, 2007. 286 p

УДК 32

В.А. Гуторов
Россия, Санкт-Петербург

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НОВГОРОД И АНТИЧНЫЕ ПОЛИСЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПРАКТИК ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Идеализация прошлого – один из наиболее распространенных культурных феноменов. В эпоху модерна она начинает парадоксальным образом проникать и в научные дискурсы в форме идеальных моделей, реконструирующих прошлое. В современной историографии повседневность вполне может соответствовать научным критериям, в силу своей гомогенности она обеспечивает связь прошлого с настоящим и одновременно отвечает потребности, характерной для «эффекта театра». «Эффект театра» уже на протяжении многих десятилетий способствует трансформации научных дискурсов, усиливая тенденцию к подмене научной интерпретации квази-утопическими моделями реконструкции социальной реальности. В докладе демонстрируется только один пример, характеризующий специфический тип интерпретации политического устройства и повседневной жизни русских средневековых городов, разработанной в поздней советской историографии, представители которой развивали традицию, возникшую еще в дореволюционной исторической литературе (И.Я Фроянов и др.).

Ключевые слова: античные полисы, русские средневековые города, утопизм, идеализация, научные дискурсы, повседневность, «эффект театра», историография, реконструкция.

**MEDIEVAL NOVGOROD AND ANCIENT POLEIS:
A CRITICAL ANALYSIS OF THE MODERN SCIENTIFIC**

The idealization of the past is one of the most widespread cultural phenomena. In the era of modernity, it begins to penetrate paradoxically into scientific discourses in the form of ideal models reconstructing the past. In modern historiography, everyday life may well correspond to scientific criteria by virtue of its homogeneity, it provides a link between the past and the present and simultaneously meets the needs characteristic of the "theater effect". The "theater effect" has for many decades promoted the transformation of scientific discourses, reinforcing the tendency to substitute scientific interpretation for quasi-utopian models of the reconstruction of social reality. The report demonstrates only one example, characterizing a specific type of interpretation of the political structure and everyday life of Russian medieval cities, developed in late Soviet historiography, whose representatives elaborated a tradition that arose in pre-revolutionary historical literature (I. Froyanov et al.).

Keywords: ancient poleis, Russian medieval cities, utopianism, idealization, scientific discourses, everyday life, the "theater effect", historiography, reconstruction.

Идеализация прошлого – один из наиболее распространенных культурных феноменов. На протяжении тысячелетий она проявлялась преимущественно в многообразных утопических конструкциях общественно-философской мысли, а в эпоху модерна, как это ни парадоксально, стала повсеместно проникать и в научные дискурсы. Ученые дают различные объяснения данной тенденции. Как справедливо отмечал Стив Фуллер, «главное устремление социологии – и социальных наук в целом – состояло в том, чтобы всецело способствовать реализации обещания Просвещения XVIII века “создать рай на земле”». В научном плане это устремление выражалось «в систематической секуляризации и обнаучивании (scientization) монотеизма, способствовавших усилению привилегированного положения человеческих существ, сотворенных по образу и подобию Бога» [18, p. 1].

В XX веке данная тенденция достигла апогея. При этом различия социальных и политических систем не только не препятствовали ее развитию, но в определенном смысле способствовали ее закреплению, прежде всего в идеологическом плане. В предельно идеологизированных общественных науках в советской России, а в послевоенный период и в странах «народной демократии», коммунистическая утопия «земного рая» была исходной точкой практически любого теоретизирования. На Западе после Второй мировой войны постепенно сформировались структуры «государства всеобщего благоденствия», способствовавшие «установлению равновесия между капиталистическими и социалистическими эксцессами даже среди таких стран, как Великобритания и США, отличавшихся сильными либертарианскими традициями» [18, p. 3]. Как непосредственное следствие этих процессов постепенно возникало убеждение относительно того, что между идеологиями социалистического типа и идеологическими направлениями, ориентированными на поддержку традиционных капиталистических структур, не существует непроходимой пропасти. Именно это убеждение стало одной из